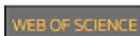

Сигал К. Я. В. И. Чернышев как исследователь русской пунктуации / К. Я. Сигал // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 1. — С. 122—140. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-122-140.

Seagal, K. Ya. (2022). V. I. Chernyshev as Researcher of Russian Punctuation. *Nauchnyi dialog*, 11(1): 122-140. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-122-140. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-122-140

В. И. Чернышев как исследователь русской пунктуации

Сигал Кирилл Яковлевич
orcid.org/0000-0001-9400-4587
доктор филологических наук
главный научный сотрудник
отдел экспериментальных
исследований речи
kjseagal@yandex.ru

Институт языкознания
Российской академии наук
(Москва, Россия)

V. I. Chernyshev as Researcher of Russian Punctuation

Kirill Ya. Seagal
orcid.org/0000-0001-9400-4587
Doctor of Philology, Chief Researcher
Department of Experimental
Speech Research
kjseagal@yandex.ru

Institute of Linguistics
of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

© Сигал К. Я., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Реферат:

Представлено обобщение опыта исследований члена-корреспондента Академии наук СССР В. И. Чернышева (1867–1949) по русской пунктуации. Рассмотрена полемика В. И. Чернышева с современными ему учеными А. М. Пешковским и Г. О. Винокуром по проблемам пунктуации. Показана роль В. И. Чернышева в развитии теории пунктуации в русском языкознании. Актуальность исследования состоит в том, что пунктуационная концепция В. И. Чернышева, представляющая собой первый опыт функционального подхода к пунктуации, описана полностью. Новизна исследования заключается в том, что получает оценку анализ обособления как явления пунктуации. Обнаружены текстовые объяснения тех употреблений знаков препинания, которые оказываются значимыми для авторского стиля. Раскрыто текстологическое понимание пунктуации, обсуждается главный принцип в обучении пунктуации. Согласно В. И. Чернышеву, в основе выбора знака препинания лежит семантика, соотношенная с традицией выражения определенного смысла средствами пунктуации в книжном языке и с эстетическим заданием автора. Описаны представления В. И. Чернышева о взаимодействии авторской стилистики и текстологии в работе редактора над пунктуацией художника слова. Особое внимание уделено отдельным примерам анализа В. И. Чернышевым использования знаков препинания в творчестве А. С. Пушкина.

Ключевые слова:

история русского языкознания; пунктуация; синтаксис; стилистика; текстология; В. И. Чернышев.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

A generalization of the experience of research by Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences V. I. Chernyshev (1867–1949) on Russian punctuation is presented. The polemic of V. I. Chernyshev with contemporary scientists A. M. Peshkovsky and G. O. Vinokur on the problems of punctuation is considered. The role of V. I. Chernyshev in the development of punctuation theory in Russian linguistics is shown. The relevance of the study lies in the fact that V. I. Chernyshev's punctuation concept, which is the first experience of a functional approach to punctuation, is fully described. The novelty of the study lies in the fact that the analysis of segregation as a punctuation phenomenon is assessed. We found textual explanations for those uses of punctuation marks that are significant for the author's style. The textual understanding of punctuation is revealed, the main principle in teaching punctuation is discussed. According to V. I. Chernyshev, the choice of a punctuation mark is based on semantics, correlated with the tradition of expressing a certain meaning by means of punctuation in the book language and with the aesthetic task of the author. V. I. Chernyshev's ideas about the interaction of the author's stylistics and textual criticism in the work of the editor on the punctuation of the artist of the word are described. Special attention is paid to individual examples of V. I. Chernyshev's analysis of the use of punctuation marks in the works of A. S. Pushkin.

Key words:

history of Russian linguistics; punctuation; syntax; stylistics; textual criticism; V. I. Chernyshev.

В. И. Чернышев как исследователь русской пунктуации

© Сигал К. Я., 2022

К 155-летию со дня рождения В. И. Чернышева

1. Введение

Как известно, в русском языкознании последних двух десятилетий XIX — первой половины XX веков «одной из своеобразнейших и характернейших личностей» [Виноградов, 1970, с. 6] являлся Василий Ильич Чернышев (1867—1949). Родившийся в семье живописца-ремесленника из бывших крепостных и окончивший только учительскую семинарию, В. И. Чернышев прошел путь от простого сельского учителя до выдающегося лингвиста и члена-корреспондента Академии наук СССР. В становлении В. И. Чернышева как ученого решающую роль сыграл академик А. А. Шахматов, привлечший его в 1898 году к работе над академическим словарем русского языка. А. А. Шахматов считал В. И. Чернышева «отличным знатоком русского языка, наблюдательным читателем, внимательным исследователем» [Там же, с. 12], академик В. В. Виноградов называл его «практиком-самородком» [Там же, с. 13].

В сферу научных интересов В. И. Чернышева входили прежде всего лексикография и диалектология [Иорданский, 1969; Филин, 1982], а также грамматика, культура речи, орфография, пунктуация, язык писателя. К сожалению, труды В. И. Чернышева по русской пунктуации, оказавшие существенное влияние на становление теории пунктуации в отечественном языкознании, не получили должного внимания со стороны историков нашей науки.

Безусловно, нельзя сказать, что в исследованиях, посвященных русской пунктуации, вовсе не говорится о вкладе В. И. Чернышева в этот раздел науки о русском языке. Так, например, В. В. Виноградов отмечал: «Изучая употребление знаков препинания в разных текстах сочинений Пушкина, В. И. Чернышев высказал ряд тонких замечаний о присоединительных союзах и присоединительных конструкциях в языке Пушкина» [Виноградов, 1970, с. 31]. Однако В. И. Чернышеву принадлежат не только отдельные наблюдения в области пунктуации. В. И. Чернышев является плодотворным исследователем русской пунктуации в действии, в основном — в ее функционировании в художественной речи.

Исследовательское внимание В. И. Чернышева было направлено на пунктуацию в текстах таких художников слова, как Е. А. Баратынский, А. В. Кольцов, Н. А. Некрасов, И. С. Тургенев, Г. И. Успенский, но прежде

всего — А. С. Пушкин. В. И. Чернышев понимал, что «пунктуация вошла в русскую литературу во многом как индивидуализированная», благодаря чему «стала рассматриваться как филологическая наука» [Шубина, 2006, с. 20]. Филологизм в подходе к пунктуации художника слова у В. И. Чернышева состоит в демонстрации взаимодействия авторско-стилистического и текстологического начал в обосновании того или иного знака препинания.

Особую ценность в пунктуационном наследии В. И. Чернышева представляют семантико-структурный анализ того или иного пунктуационного факта (в частности, обособления) и размышления о главном принципе изучения пунктуации в школе.

Цель настоящей статьи — обобщить опыт научных изысканий В. И. Чернышева в области русской пунктуации, рассмотреть полемику ученого с коллегами, показать роль его исследований в развитии теории пунктуации.

Актуальность статьи заключается в том, что в ней, с одной стороны, осуществлена реконструкция пунктуационной концепции В. И. Чернышева, а с другой стороны, выделены теоретические основания подхода лингвиста к русской пунктуации, во многом опередившие свое время.

Научная новизна статьи состоит в оценке предложенного В. И. Чернышевым подхода к анализу обособления как явления пунктуации, в обнаружении у В. И. Чернышева текстовых объяснений тех или иных значимых для авторского стиля употреблений знаков препинания, в раскрытии текстологического понимания пунктуации, в обсуждении общего взгляда В. И. Чернышева на проблему изучения пунктуации в школе.

2. Материал, методы, обзор

Обраченность статьи к описанию взглядов В. И. Чернышева на проблемы русской пунктуации обусловила ее историко-лингвистический характер и — вследствие этого — применение таких методов исследования, как интерпретация теоретических утверждений, критический анализ приводимых речевых иллюстраций — пунктуационных фактов, сопоставление полемических концепций. В качестве материала преимущественно использованы связанные с проблемами русской пунктуации статьи В. И. Чернышева, собранные в его двухтомных «Избранных трудах» 1970 года [Ч-1; Ч-2]. Пунктуационная концепция В. И. Чернышева никогда не становилась предметом самостоятельного историко-лингвистического исследования: в трудах по пунктуации приводятся лишь отдельные наблюдения В. И. Чернышева над знаками препинания в художественной речи, тогда как статьи, посвященные творчеству ученого, незаслуженно обходят молчанием его самобытную пунктуационную концепцию.

3. Результаты и обсуждение

3.1. Обособление как явление пунктуации (полемика с А. М. Пешковским)

В статье «Учение об “обособлении” второстепенных членов предложения в трудах А. М. Пешковского и его последователей» [Ч-1, с. 260—274] В. И. Чернышев выступил с полемическими соображениями по поводу синтаксической трактовки обособления и ее отражения в пунктуации.

Термин (и понятие) *обособление* понадобился А. М. Пешковскому для того, чтобы преодолеть идею сокращения придаточных предложений. «Обособленным <...>, — писал А. М. Пешковский, — называется второстепенный член, уподобившийся <...> в отношении мелодии и ритма и — параллельно — в отношении связей своих с окружающими членами отдельному придаточному предложению» [Пешковский, 2001, с. 416]. Обособлением маркируется «проявление особого внимания» к тому или иному второстепенному члену предложения [Там же, с. 422]. В синтаксическом плане показательно, что А. М. Пешковский «включает в свое определение краеугольный камень теории сокращения придаточных предложений» [Ч-1, с. 267], тем самым отвергая идею сокращения придаточного в член предложения исключительно терминологически, и делает «опорой» обособления «интонацию живого языка» [Там же].

В. И. Чернышев настаивает на том, что «основа “обособления” — в семантике языка, в его понимании» [Там же], и показывает, что при подходе к обособлению с точки зрения пунктуации недопустимо «пренебрегать книжным языком, не считаться с его богатым содержанием, прочными основами оформления и опытом выражения» [Там же, с. 268].

Рассматривая такое явление, как обособление слабоуправляемых существительных, А. М. Пешковский отмечает, что в предложениях типа *Мой сын по домашним обстоятельствам не мог явиться в класс и Он по своему обыкновению опоздал* «обычно затрудняются, ставить запятые или нет, и обычно ищут каких-то “правил”, не подозревая, что единственный возможный критерий здесь — произношение и что нужно только прочесть сочетание вслух и выбрать ту интонацию, которую желаешь внушить читателю» [Пешковский, 2001, с. 425]. Полагая, что «вопрос о постановке запятых <...> не может решаться на основе одного только произношения», В. И. Чернышев подчеркивает, что «“выбор” интонации при ее колебаниях» «должен определяться значением речи, с одной стороны, здравым пониманием и эстетическим вкусом и чутьем говорящего, с другой стороны. “Внушать” что-либо можно только “слушателю” свободной речи, создаваемой ее творцом. “Читатель” должен зависеть от текста — его правильно, глубоко и тонкого понимания» [Ч-1, с. 269].

Пунктуационный анализ предложений, в которых, по мнению А. М. Пешковского, может быть или не быть обособление слабоуправляемых существительных, приводит В. И. Чернышева к выводу о том, что «они все имеют одну обособляющую интонацию, если произносятся естественно, а не шепотом, скороговоркой, не читаются “по складам”. За необходимость “обособления” говорит и синтаксическое положение выражений: *по домашним обстоятельствам*¹ <...>, *по своему обыкновению* <...>. Все эти сочетания стоят не после управляющего глагола, а после существительных или местоимений, к которым они прямо не относятся. Это явные случаи риторического словорасположения, выделяющего, подчеркивающего данные словосочетания. Они не могут не отразиться на интонации, если она будет сколько-нибудь осмысленной. <...> семантика речи не может связать воедино поставленные рядом слова: *мой сын по домашним обстоятельствам* <...>» [Там же].

Очевидно, что анализ конкретного пунктуационного факта, запечатленного в однотипных предложениях, В. И. Чернышев осуществляет в семантико-структурном ключе. Он демонстрирует, что выбор пунктуационного знака (в данном случае — двойной запятой) зиждется в письменной речи на тех же смысловых (и, конечно же, синтаксических) основаниях, что и выбор обособляющей интонации в речи устной. Согласно афористическому утверждению С. И. Абакумова, «интонация и пунктуация — это как бы две сестры, дочери одного и того же отца — смысла речи» [Абакумов, 1950, с. 11]. Однако В. И. Чернышев связывает то или иное пунктуационное оформление, в частности обособление, также с осознанием культурной преемственности пунктуационной деятельности. Не случайно он упрекает А. М. Пешковского в «полном невнимании к фактам пунктуации в ее прошлом, настоящем и желаемом будущем» [Ч-1, с. 272].

Важно сказать о том, что, поставив акцент на семантике в анализе обособления как явления пунктуации, В. И. Чернышев во многом определил тенденцию рассмотрения пунктуационных средств обособления с точки зрения их вклада в смысл предложения. Так, например, Е. В. Урысон показала, что выбор разных знаков препинания при обособлении (запятой, тире, двоеточия) связан с различием трех метапредикатов [Урысон, 1990].

3.2. Пунктуация художника слова: авторская стилистика и текстология

В современном В. И. Чернышеву языкознании пунктуация воспринималась исключительно в ракурсе правилосообразного применения знаков

1 Здесь и далее, если не указано иначе, курсив в цитатах оригинальный.

препинания. В. И. Чернышев одним из первых стал описывать подлинное функционирование пунктуации в художественной речи, обращая внимание на авторско-стилистические закономерности оперирования пунктуацией разными писателями. Основу стилистической целесообразности пунктуации в художественной речи В. И. Чернышев видел в том, что «пунктуация — дополнение языка, и знаками препинания автор выражает оттенки мысли, не выраженные словами» [Ч-2, с. 77]. Стилистические наблюдения В. И. Чернышева над пунктуацией художественной речи во многом определили одно из перспективных направлений теории пунктуации. «Характеристика отдельных (хотя бы немногих) русских писателей с точки зрения свойственного им пунктуационного “стиля”, — писал А. Б. Шапиро уже после кончины В. И. Чернышева, — несомненно представляла бы большой интерес как составная часть общей характеристики литературно-языкового их стиля» [Шапиро, 1955, с. 76].

Весьма показательно, что пунктуация художника слова вовсе не попадала у В. И. Чернышева в фокус свободной, отчужденной от нужд практики стилистической рефлексии: ученый ставил свои стилистические наблюдения на службу текстологической обработке пунктуации в разных изданиях одного и того же художественного произведения. Текстологи сообщают о принципах своей работы над пунктуацией довольно скупо. Так, например, согласно С. А. Рейсеру, в пунктуации текстологи «обязаны лишь сохранить все индивидуальное, поскольку удастся его выявить и поскольку оно имеет смысловое значение» [Рейсер, 1978, с. 62]. «В текстах нового времени, — предостерегает Д. С. Лихачев, — следует следить за тем, чтобы изменение знаков препинания не меняло интонации и ритма прозы. Особенно не рекомендуется изменять знаки точки и вопроса» [Лихачев, 1964, с. 75]. Б. М. Эйхенбаум предлагает сохранять элементы пунктуации, «имеющие реальное выразительное значение и составляющие характерную черту стиля данного писателя» [Эйхенбаум, 1962, с. 82]. Взгляд на пунктуацию у В. И. Чернышева-текстолога определяется филологически целостным постижением творчества автора, в том числе его пунктуационного стиля, так как «успешно сделать поправки в пунктуации поэта может только тот, кто, превосходно изучивши его, вошел вполне в его настроения, его образ мыслей, его стиль» [Ч-2, с. 289].

При оценке обработки пунктуации художника слова тем или иным редактором В. И. Чернышев придавал исключительную роль ориентации на первопечатные тексты автора: «<...> его рукописи почти никогда не могли иметь первенствующего значения, так как читателям они вообще были неизвестны» [Там же, с. 249]. Это текстологическое убеждение В. И. Чернышева объясняется тем, что только благодаря первопечатному тексту, тем

более работа над которым велась под контролем автора, тот или иной пунктуационный факт перестает быть лишь фактом индивидуальной речевой деятельности и становится фактом культуры. Ученый не раз высказывал мысль о том, что правку пунктуации художника слова нельзя производить по школярской мерке, механически и бездумно, он критически отзывался о редакторах, которые «не думают того, что перед ними труд выдающегося знатока русского языка и форм выражения мысли, а просто берут для справки школьный учебник, вроде “Русского правописания” Грота, и начинают выправлять тонкую работу художника, как произведение недочившегося гимназиста» [Там же, с. 289].

«Шаблонное равенние» (выражение В. И. Чернышева) пунктуации из желания добиться формально грамотного пунктуационного маркирования (или его отсутствия) обедняет авторский стиль, в особенности тяготеющий к интонационной пунктуации. Ср. в связи с этим текстологический комментарий В. И. Чернышева к изданиям разных лет «Нравов Растеряевой улицы» Г. И. Успенского: «Как верно и тонко Г. И. Успенский иногда оттенял знаками значение и произношение, показывает, например, следующий текст: *С каким удивительным искусством передавал он* (Хрипушин. — К. С.) *подвиги солдата Кошки, ускользнувшего из-под носа — целой французской армии!* (издание 1872 года). В издании 1883 года тире уничтожено, нет его и в издании 1889 года. Но это тире — необходимый риторический знак, подчеркивающий, усиливающий значение следующих слов. Его можно бы, пожалуй, заменить многоточием, но уничтожение его — явное доказательство непонимания речи писателя» [Там же, с. 310]. Поэтому-то В. И. Чернышев настаивал на том, что редактор должен оставлять так называемые «излишние знаки» там, где «соответствующая русскому языку система пунктуации позволяет их сохранить» [Там же, с. 308].

Для демонстрации того, как в анализе пунктуации художника слова у В. И. Чернышева происходило взаимодействие авторско-стилистического и текстологического аспектов, обратимся к его разбору пунктуационного оформления микротекста из главы VII «Приступ» повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». В. И. Чернышев приводит этот микротекст по журналу «Современник» (№ 4, 1836 год): «“... Ну, прощай, Маша. Василиса Егоровна, уведи же ее поскорее”. (Маша кинулась ему (Ивану Кузьмичу. — К. С.) на шею, и зарыдала.)» [Там же, с. 77], а затем указывает, что в издании П. О. Морозова 1887 года опущена запятая после слова *шею*, вследствие чего «затемнился смысл данного места; у него отнято то толкование, которое сообщил ему Пушкин своей пунктуацией» [Там же].

По поводу уничтоженной здесь запятой В. И. Чернышев пишет о том, что, по его мнению, «она поставлена Пушкиным не по ошибке, но для

разделения действий, из которых второе следовало не тотчас за первым, но с некоторым промежутком. “Кинулась на шею и (тотчас) зарыдала” — вульгарное толкование фразы, которое не допускается Пушкиным. Он ставит запятую, которая показывает внимательному читателю, что между двумя действиями был момент ожидания, не выраженный внешними проявлениями, но наполненный внутренней борьбой нежной и сдержанной Марьи Ивановны с теми чувствами, которые были не у места и могли встревожить более твердых по характеру родителей. “Она некоторое время сдерживалась, крепилась — и все-таки зарыдала”. Вот как мы выразили бы тот смысл фразы, который придается ей пушкинской запятой. По принятой теперь пунктуации эту фразу нужно было бы напечатать с тире вместо запятой, но никак не ограничиваться уничтожением запятой» [Там же].

В. В. Виноградов отметил, что «В. И. Чернышев тонко истолковал <...> место из “Капитанской дочки”, где функция присоединения выражена союзом *и*» [Виноградов, 1980, с. 234]. Очевидно, что, отстаивая стилистическую оправданность этой запятой у А. С. Пушкина, В. И. Чернышев предложил ее текстовое объяснение. Это особенно необходимо сказать по той причине, что во времена А. С. Пушкина в слитном предложении типа *Маша кинулась ему на шею, и зарыдала* запятая могла быть поставлена по сугубо формальному основанию: ведь здесь «новое слово присовокупляется не к последнему непосредственно, а к другому предшествующему» [Греч, 1827, с. 565]. В авторском стиле А. С. Пушкина функция этой запятой преобразована: она отражает не особенности строения слитного предложения, а такую смысловую интерпретацию этого предложения, которую оно приобретает в тексте. Именно поэтому запятая в подобной пунктуационной позиции, постепенно превращавшаяся уже в пушкинскую эпоху в факультативную с синтаксической точки зрения, никак не может быть признана факультативной в предложении «как компоненте текста» и «с точки зрения заданного смысла» [Валгина, 2004, с. 149].

Представляется, что в разборе, предложенном В. И. Чернышевым, зафиксирована (возможно, впервые в теории пунктуации) зависимость пунктуации предложения от пунктуации текста, а также первичность второй по отношению к первой (ср. в связи с развитием этой идеи [Фигуровский, 2004, с. 30; Кольцова, 2006, с. 4—5]). Кроме того, здесь же В. И. Чернышев во многом предвосхищает исследования эстетической функции пунктуации, выявляющие то, что пунктуация «как средство художественного выражения (*as a medium for artistic expression*)» «достигает симбиоза с повествованием, стилем, точкой зрения и даже самим сюжетом (*achieves symbiosis with the narration, style, viewpoint, and even the plot itself*)» [Lukeman, 2006, с. 2].

Интересно, что судьба этой запятой, представленной в прижизненном издании «Капитанской дочки» и обоснованной в текстологическом комментарии В. И. Чернышева, была непростой и в более близкое к нам время. Так, например, в академической серии «Литературные памятники» пушкинская повесть выходила дважды, причем в издании 1964 года, подготовленном Ю. Г. Оксманом, запятая перед союзом *и* имеется [П-1, с. 44], тогда как в издании 1984 года, ответственным редактором которого был Г. П. Макогоненко, этой запятой, равно и как тире (то есть пунктуационного варианта, предложенного В. И. Чернышевым), нет [П-2, с. 42].

В. И. Чернышев-текстолог считал, что пунктуация художника слова должна изучаться не только в своей стилистической системности, но и в своей обусловленности всей историей развития пунктуации и с учетом всех допущенных в истории текста художественного произведения пунктуационных изменений. Например, в стихотворении Е. А. Баратынского «Осень» (по изданию «Библиотеки поэта» 1936 года) имеется такой прецедент: *Ум, бесполезный сердца трепет угомонит*, «где стоит совершенно недопустимая запятая, отделяющая подлежащее от сказуемого!» [Ч-2, с. 118]. «Я понял бы такую запятую, — пишет В. И. Чернышев, — если бы она имела место в тексте самого поэта, потому что в его времена допускались знаки препинания не только синтаксические, но и фонетические и даже смысловые. <...> но как понять эту запятую в издании нашего времени <...>?» [Там же, с. 118—119].

Надо подчеркнуть, что в начале XIX века и несколько позже запятая могла ставиться «после нескольких подлежащих перед сказуемым» [Абакумов, 1950, с. 39]. Пауза между подлежащим и сказуемым, усиленная за счет синтаксической развернутости одного из этих членов предложения (именно этот случай имеется в примере из Е. А. Баратынского), не требовала пунктуационного обозначения запятой уже в то время [Греч, 1827, с. 564]. Показательно, что письменная речь современных носителей языка свидетельствует о тенденции ($\approx 14\%$) маркирования позиции между подлежащим и сказуемым посредством запятой [Кузнецова, 2017, с. 14—16], приводящей, впрочем, к пунктуационной ошибке. Понятно, что редакторы внесли в текст стихотворения Е. А. Баратынского знак препинания, никак не оправданный пунктуационной нормой XIX—XX веков. Причем в данном прецеденте запятая не только не приобретает стилистической значимости (хотя норма нарушена!), но и становится своеобразной помехой в смысловой перцепции предложения (ср.: *Ум, бесполезный...* — подлежащее с адъективным оборотом).

Для В. И. Чернышева-текстолога пунктуация А. В. Кольцова была интересна, в частности, потому, что в ней такой составной знак препинания,

как запятая и тире, нередко оказывается результатом одновременного неодинакового маркирования одной и той же пунктуационной позиции поэтом и издателем. По наблюдениям В. И. Чернышева, «у Кольцова часто применяемым знаком деления речи было тире. Он ставил его в тех случаях, когда поэтическая речь требовала заметной паузы. <...> При печатании текстов Кольцова издатели старались сохранить его своеобразную пунктуацию (правильно сознавая, что она имеет смысл и ценность), с одной стороны; с другой стороны, они хотели дать место и своим, общепринятым знакам препинания. Таким образом, где, например, у Кольцова стояло тире вместо запятой, они сохраняли тире поэта и прибавляли к нему свою запятую <...>. Ср. в издании А. Ф. Маркса 1892 года:

*Если встречу с тобой,
Иль увижу тебя, —
Что за трепет-огонь
Разольется в душе!»* [Ч-2, с. 185].

Разумеется, знание о подобном генезисе составного пунктуационного знака предотвращает неточную его интерпретацию в ракурсе авторской стилистики.

В. И. Чернышев показал, что на пути к пунктуационной стилистике художника слова необходимы обстоятельные текстологические исследования, позволяющие отделить собственно авторскую пунктуацию от редакторских ее трансформаций, а затем — понять общие принципы пунктуационной деятельности автора и функциональную нагрузку используемых автором пунктуационных знаков и приемов.

3.3. Пунктуация А. С. Пушкина в академическом издании (полемика с Г. О. Винокуром)

В текстологической обработке пунктуации художника слова приоритет может отдаваться либо рукописи (иначе — автографу), либо первопечатному тексту, в которых одна и та же пунктуационная позиция может быть оформлена по-разному. Последовательная ориентация на один из двух источников, выражающаяся в отборе рукописного либо первопечатного варианта пунктограммы, способна вызывать полемику по поводу пунктуации в каждом новом издании художественного произведения. Именно в этом состоит причина полемики между В. И. Чернышевым и Г. О. Винокуром, развернувшейся на страницах «Временника Пушкинской комиссии» за 1941 год. Поводом для полемических выступлений стала пунктуация А. С. Пушкина, отраженная в юбилейном академическом собрании сочинений (издавалось с 1937 года).

Так, В. И. Чернышев приводит ряд изменений (или «переименований», по его выражению) в пунктуации по сравнению с оформлением идентич-

ных пунктуационных позиций в прижизненных печатных изданиях «Евгения Онегина» А. С. Пушкина. Например: «<...> вопреки печатному пушкинскому тексту, в юбилейном издании пропускаются запятые при перечислении с союзом и:

*Что было для него измлада
И труд и мука и отрада.*

В издании 1837 года перечисляемые слова разделены запятыми» [Ч-3, с. 449—450]. Анализируя следующий фрагмент текста:

*Онегин был по мнению многих
(Судей решительных и строгих)
Ученый малый, но педант:
Имел он счастливый талант
Без принужденья в разговоре
Коснуться до всего слегка <...>, —*

В. И. Чернышев пишет: «Издания 1829 года, 1833 года и 1837 года после “педант” имеют точку. Точку дает и черновая рукопись <...>. Иначе и быть не может. Трудно понять, кто додумался, что дальнейшие слова дают объяснение того, что значит слово “педант”, и поставил после него двоеточие? Такое искажение пунктуации и значения пушкинского текста совершенно нетерпимо» [Там же, с. 450].

Подобного рода наблюдения, инициированные текстологическим убеждением В. И. Чернышева в большей важности пунктуационных показаний первопечатного текста, привели его к выводу о том, что «пунктуация Пушкина, установленная в печатных текстах его произведений, не оценена редакторами юбилейного издания. Она передается неточно. “Исправления” этой пунктуации большею частью произвольны, иногда даже неграмотны и изменяют смысл и отношения синтаксических частей текста или его интонации и, таким образом, передают текст Пушкина в искаженном виде» [Там же, с. 461].

Г. О. Винокур, отвергая невольно созданный В. И. Чернышевым «образ пушкиниста-вандала» [Винокур, 1941, с. 464], подчеркивает, что «разногласия между В. И. Чернышевым и редакторским коллективом академического издания являются <...> глубоко принципиальными» [Там же, с. 465]. Согласно Г. О. Винокуру, текстологическая обработка пунктуации обусловлена тем, «какой текст — автографический или прижизненный печатный — должен быть избран за основу, в случае их несоответствия. Редакция академического издания избирает <...> первый путь, В. И. Чернышев — второй» [Там же, с. 468]. При этом Г. О. Винокур констатирует, что «подлинная пунктуация Пушкина ни в малой мере не отражается первопечатными изданиями его сочинений» [Там же, с. 486—487]. Поэтому-то при

текстологической ориентации на рукописи А. С. Пушкина преимущество отдается варианту оформления пунктуационной позиции, вовсе не отраженному в прижизненных печатных изданиях. Так, по поводу замены точки на двоеточие в приведенном В. И. Чернышевым примере из «Евгения Онегина» Г. О. Винокур указывает: «Кто поставил здесь двоеточие — понять вовсе не трудно. Загадочный “кто” <...> оказывается <...> Пушкиным (см. белой автограф), а то понимание этого знака, какое предлагает В. И. Чернышев, разумеется, совершенно необязательно и является делом его личного исследовательского чутья и вкуса» [Там же, с. 465].

Не вызывает сомнения тот факт, что полемика В. И. Чернышева и Г. О. Винокура явилась важной вехой в разработке текстологического понимания пунктуации. Благодаря этой полемике, во-первых, стало очевидно, что отражение пунктуации художника слова в конкретном издании (при наличии вариантов пунктуационного оформления) определяется общим принципом установления подлинного текста художественного произведения, а во-вторых, была объективирована такая проблема текстологической обработки пунктуации, как «необходимость восполнять знаки автографа, — именно там, где отсутствие абсолютно необходимого знака создает затруднения для понимания текста и его легкого усвоения» [Там же, с. 487]. Можно предположить, что потребность в пунктуационной компенсации автографа заставит текстолога обратиться к изучению прижизненных печатных изданий, в которых никак не маркированная в рукописи пунктуационная позиция получила то или иное оформление посредством знаков препинания. Это означает, что подход В. И. Чернышева-текстолога к пунктуации может быть использован если не как основной, то как вспомогательный.

3.4. Общий взгляд на проблему изучения пунктуации в школе

Функциональная трактовка пунктуации, состоящая в моделировании пунктуационной деятельности с точки зрения пишущего и читающего, требует ответа на вопрос о том, как осуществляется овладение пунктуацией, в том числе при обучении. Несмотря на то, что В. И. Чернышев не занимался методикой пунктуации как таковой, он, будучи опытным учителем русского языка, имел собственное представление о главном принципе изучения пунктуации в школе. Исходя из того, что «знаки препинания в общем лежат в нашей интонации, в делении нашей речи известными останками» [Ч-2, с. 544], В. И. Чернышев считал, что таким принципом является ориентация на «восприятие и создание живой речи», на учет «живого произношения» [Там же, с. 543—544], на выразительное чтение по знакам препинания [Там же, с. 495]. Иначе говоря, в изучении пунктуации В. И. Чернышев ставит во главу угла интонационный принцип.

Пунктуация, согласно В. И. Чернышеву, «гораздо более связана с нормальным произношением фраз, чем с навыками глаза и руки <...>. Кто научился говорить <...> с расстановками и выражением, а не бормотать, говоря от себя, и не лепить слово к слову при чтении книги, — у того знак препинания сам просится встать на свое место при изложении живого слова на бумаге. В особенности это справедливо относительно простых и важнейших знаков препинания: точки, вопроса, восклицания, запятой. А кто настолько преуспел в выразительном чтении, что хорошо оттеняет голосом и предложения — вносное (то есть прямую речь. — *К. С.*), вводное, придаточное, — тому еще легче выделять их знаками при письме. Там же, где мы основываем пунктуацию на приглядке или даже грамматике, постоянно встречаются разные несообразности в письме учеников» [Там же, с. 530]. Одна из таких «несообразностей» состоит в том, что у учеников «знаки препинания ассоциируются со словами. Например, они представляют двоеточие после слов *говорил, сказал, запятую перед который, когда, деепричастиями*» [Там же, с. 544].

Важно отметить, что специалисты по пунктуации оценивают роль интонации в пунктуационной деятельности по-разному. Так, если У. Чейф признает, что «хорошие писатели, осознают они это или нет, прислушиваются к тому, что они пишут» (“Good writers, whether or not they realize it, listen to what they write”) [Chafe, 1988, с. 10], то С. И. Абакумов, наоборот, полагает, что «в большинстве случаев пишущий, когда ставит знак препинания, совершенно не думает об интонации» [Абакумов, 1950, с. 12]. Поднимая в связи с пунктуацией проблему перекодирования устной речи в письменную, Л. М. Кольцова настаивает на «невозможности игнорировать тот факт, что складывается и развивается относительно автономная, не поддающаяся перекодировке (и не нуждающаяся в ней) специфическая по функциям система пунктуационных знаков» [Кольцова, 2006, с. 13].

Идея В. И. Чернышева о главенстве интонационного принципа в школьном изучении пунктуации была развита Г. П. Фирсовым, считавшим, в частности, что только благодаря намеренно измененной интонации можно «спровоцировать» восприятие придаточной конструкции как вставной (в школе — вводного предложения). «О том, в какой степени учащиеся научились улавливать интонацию, например, вводных предложений, — пишет Г. П. Фирсов, — свидетельствует такой пример. Диктуя предложение из повести М. Ю. Лермонтова “Бэла” *Солнце закатилось, и ночь последовала за днем без промежутка, как это обыкновенно бывает на юге*, учитель намеренно прочитал последнюю часть *как это обыкновенно бывает на юге* с интонацией вводного предложения со значением попутного замечания, и все ученики восприняли эту часть высказывания как вводное предложение и на письме соответственно выделили скобками» [Фирсов, 1962, с. 307].

Однако нельзя не заметить, что на восприятие придаточной конструкции как вставной пишущих могли «натолкнуть», наряду с интонацией, и семантика добавочного суждения (комментария), и такой синтаксический фактор, как постпозиция (при перестановке части *как это обыкновенно бывает на юге* в начало предложения никакой знак препинания, кроме запятой, невозможен). В данном случае интонация как показатель для пунктуационного маркирования не может быть отделена от семантического и структурно-синтаксического показателей. Очевидно, что при изучении пунктуации в школе вряд ли можно говорить о главенстве интонационного принципа вообще, то есть безотносительно к тому или иному пунктуационному факту.

Если вспомнить, что при анализе пунктуационной основы обособления В. И. Чернышев, полемизируя с А. М. Пешковским, писал о «зыбком принципе интонации (курсив мой. — К. С.)» [Ч-1, с. 265], то выдвижение им на первый план интонационного принципа при изучении пунктуации в школе выглядит парадоксально. По всей видимости, этот парадокс возник по той причине, что В. И. Чернышев рассматривал пунктуацию, с одной стороны, как арсенал средств выражения тех или иных смысловых отношений и оттенков, а с другой стороны, как систему указателей, рассчитанную на чтение текста вслух [Ч-2, с. 497 и сл.]. Во многом отмеченный парадокс «снимается» благодаря тому, что В. И. Чернышев выступал против восприятия пунктуации как «орфографического костюма» письменной речи [Там же, с. 526] и признавал «неестественным» изучение пунктуации «при помощи списывания» [Там же, с. 530].

4. Заключение

Подводя итоги, обобщим опыт исследований В. И. Чернышева по русской пунктуации в нескольких теоретических положениях, создающих своеобразие пунктуационной концепции В. И. Чернышева, функциональной по своей сути, в русском языкознании его времени.

Во-первых, в основе маркирования той или иной пунктуационной позиции (в частности, обособления) посредством одного из знаков препинания лежит семантика, поэтому адекватный анализ пунктуационного факта должен быть семантико-структурным. Интонация как таковая не может всецело обуславливать пунктуационную деятельность, поскольку интонация всегда осмысленна и «согласована» с определенной синтаксической структурой. В пунктуационном факте отображается, с одной стороны, отношение пишущего к узуальному пунктуационному выражению того или иного смысла в книжном языке, а с другой стороны, эстетическая установка пишущего.

Во-вторых, изучение пунктуации автора и характеристика свойственного ему пунктуационного стиля требует как текстологической обосно-

ванности пунктуационных фактов, так и учета авторско-стилистических закономерностей пунктуационного «почерка». Пунктуационный стиль художника слова должен сохраняться вопреки принятому у редакторов изменению знаков препинания, основанному преимущественно на синтаксическом принципе пунктуации.

В-третьих, текстологическая обработка пунктуации автора требует ориентации не только на рукопись, но и — даже в большей степени — на первопечатный текст, благодаря которому тот или иной пунктуационный факт приобретает культурную значимость.

В-четвертых, интонационный принцип, — а именно обращение к живой речи и к выразительному чтению по знакам препинания, — делает обучение пунктуации более органичным, включенным в общий процесс речевой деятельности. Интонационный принцип дает возможность привлечь внимание к пунктуационным знакам, к их предназначению в речи.

В заключение надо особо отметить, что именно к пунктуационной концепции В. И. Чернышева во многом восходят такие современные направления в теории пунктуации, как семантика пунктуации, пунктуационная стилистика, текстологический анализ пунктуации, редактирование текста с точки зрения пунктуации, теория текстовой пунктуации, методика пунктуации. В первой четверти XXI века так же, как и почти столетие назад, свежо и призывно звучат слова В. И. Чернышева о том, что русскому языкознанию необходимы «основательные научные исследования о знаках препинания, в которых вопросы их употребления были бы изучены широко и свободно <...> у больших классических литераторов и ученых» [Там же, с. 310].

Источники и принятые сокращения

1. П-1 — *Пушкин А. С. Капитанская дочка* / А. С. Пушкин. — Москва : Наука, 1964. — 284 с.
2. П-2 — *Пушкин А. С. Капитанская дочка*. 2-е изд. / А. С. Пушкин. — Ленинград : Наука, 1984. — 319 с.
3. Ч-1 — *Чернышев В. И. Избранные труды* в 2-х т. / В. И. Чернышев. — Москва : Просвещение, 1970. — Т. 1. — 654 с.
4. Ч-2 — *Чернышев В. И. Избранные труды* в 2-х т. / В. И. Чернышев. — Москва : Просвещение, 1970. — Т. 2. — 718 с.
5. Ч-3 — *Чернышев В. И. Замечания о языке и правописании Пушкина*. (По поводу академического издания) / В. И. Чернышев // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. — Москва-Ленинград : Изд-во АН СССР, 1941. — Выпуск 6. — С. 433—461.

Литература

1. *Абакумов С. И. Методика пунктуации*. 2-е изд. / С. И. Абакумов. — Москва : Изд-во АПН РСФСР, 1950. — 116 с.

2. *Валгина Н. С.* Актуальные проблемы современной русской пунктуации / Н. С. Валгина. — Москва : Высшая школа, 2004. — 259 с. — ISBN 5-06-004937-X.
3. *Виноградов В. В.* О трудах В. И. Чернышева по русскому языку / В. В. Виноградов // Чернышев В. И. Избранные труды в 2-х т. — Москва : Просвещение, 1970. — Т. 1. — С. 6—48.
4. *Виноградов В. В.* О языке художественной прозы. Избранные труды / В. В. Виноградов. — Москва : Наука, 1980. — 360 с.
5. *Винокур Г. О.* Орфография и язык Пушкина в академическом издании его сочинений. (Ответ В. И. Чернышеву) / Г. О. Винокур // Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. — Москва-Ленинград : Изд-во АН СССР, 1941. — Вып. 6. — С. 462—494.
6. *Греч Н. И.* Практическая русская грамматика / Н. И. Греч. — Санкт-Петербург : Типография Императорского Санкт-Петербургского Воспитательного Дома, 1827. — 578 с.
7. *Иорданский А. М.* Василий Ильич Чернышев (1867—1949) / А. М. Иорданский // Русская речь. — 1969. — № 4. — С. 30—33.
8. *Кольцова Л. М.* Пунктуационный эксперимент в художественном тексте / Л. М. Кольцова. — Воронеж : ВГУ, 2006. — 194 с. — ISBN 5-9273-10-94-X.
9. *Кузнецова Н. В.* Отсутствие запятой между подлежащим и сказуемым : самоочевидная норма или лакуна в правилах? / Н. В. Кузнецова // Мир русского слова. — 2017. — № 3. — С. 14—19.
10. *Лихачев Д. С.* Текстология : Краткий очерк / Д. С. Лихачев. — Москва-Ленинград : Наука, 1964. — 102 с.
11. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. / А. М. Пешковский. — Москва : Языки славянской культуры, 2001. — 544 с. — ISBN 5-94457-019-9.
12. *Рейсер С. А.* Основы текстологии. 2-е изд. / С. А. Рейсер. — Ленинград : Просвещение, 1978. — 176 с.
13. *Урысон Е. В.* Обособление как средство смыслового подчеркивания / Е. В. Урысон // Вопросы языкознания. — 1990. — № 4. — С. 35—45.
14. *Фигуровский И. А.* Избранные труды / И. А. Фигуровский. — Елец : ЕГУ им. И. А. Бунина, 2004. — 483 с. — ISBN 5-94809-081-7.
15. *Филин Ф. П.* Василий Ильич Чернышев (1867—1949) / Ф. П. Филин // Русская речь. — 1982. — № 1. — С. 79—84.
16. *Фирсов Г. П.* Значение работы над интонацией для усвоения синтаксиса и пунктуации в школе / Г. П. Фирсов. — Москва : Изд-во АПН РСФСР, 1962. — 447 с.
17. *Шапиро А. Б.* Основы русской пунктуации / А. Б. Шапиро. — Москва : Изд-во АН СССР, 1955. — 398 с.
18. *Шубина Н. Л.* Пунктуация современного русского языка / Н. Л. Шубина. — Москва : Издательский центр «Академия», 2006. — 256 с. — ISBN 5-7695-2881-8.
19. *Эйхенбаум Б. М.* Основы текстологии / Б. М. Эйхенбаум // Редактор и книга : сборник статей. — Москва : Искусство, 1962. — Выпуск 3. — С. 41—86.
20. *Chafe W.* What good is punctuation? / W. Chafe // The Quarterly of the National Writing Project and the Center for the Study of Writing. — 1988. — Vol. 10. — № 1. — Pp. 8—11.
21. *Lukeman N.* The art of punctuation / N. Lukeman. — Oxford : Oxford University Press, 2006. — 192 p. — ISBN 0198614543.

Material resources

- Ch-1 — Chernyshev, V. I. (1970). *Selected works in 2 volumes, 1*. Moscow: Prosveshcheniye. 654 p. (In Russ.).
- Ch-2 — Chernyshev, V. I. (1970). *Selected works in 2 volumes, 2*. Moscow: Prosveshcheniye. 718 p. (In Russ.).
- Ch-3 — Chernyshev, V. I. (1941). Remarks on the language and spelling of Pushkin. (About the academic edition). In: *Pushkin. A temporary member of the Pushkin Commission, 6*. Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. Pp. 433—461. (In Russ.).
- P-1 — Pushkin, A. S. (1964). *Captain's daughter*. Moscow: Nauka. 284 p. (In Russ.).
- P-2 — Pushkin, A. S. (1984). *Captain's daughter*. 2nd ed. Leningrad: Nauka. 319 p. (In Russ.).

References

- Abakumov, S. I. (1950). *Punctuation technique*. 2nd ed. Moscow: Publishing House of the APN of the RSFSR. 116 p. (In Russ.).
- Chief, U. (1988). What is good about punctuation? *Quarterly report of the National Project of Writing and the Center for the Study of Writing, 10 (1)*: 8—11. (In Russ.).
- Eichenbaum, B. M. (1962). Fundamentals of Textual Studies. In: Editor and book: collection of articles, 3. Moscow: Iskusstvo. Pp. 41—86. (In Russ.).
- Figurovsky, I. A. (2004). *Selected works*. Yelets: I. A. Bunin YSU. 483 p. ISBN 5-94809-081-7. (In Russ.).
- Filin, F. P. (1982). Vasily Ilyich Chernyshev (1867—1949). *Russian Speech, 1*: 79—84. (In Russ.).
- Firsov, G. P. (1962). *The importance of working on intonation for mastering syntax and punctuation at school*. Moscow: Publishing House of the APN of the RSFSR. 447 p. (In Russ.).
- Grech, N. I. (1827). *Practical Russian grammar*. St. Petersburg: Printing House of the Imperial St. Petersburg Educational Home. 578 p. (In Russ.).
- Jordansky, A. M. (1969). Vasily Ilyich Chernyshev (1867—1949). *Russian speech, 4*: 30—33. (In Russ.).
- Koltsova, L. M. (2006). *Punctuation experiment in a literary text*. Voronezh: VSU. 194 p. ISBN 5-9273-10-94-X. (In Russ.).
- Kuznetsova, N. V. (2017). The absence of a comma between the subject and the predicate: a self-evident norm or a lacuna in the rules? *The world of the Russian word, 3*: 14—19. (In Russ.).
- Likhachev, D. S. (1964). *Textology: A brief essay*. Moscow-Leningrad: Nauka. 102 p. (In Russ.).
- Lukman, N. (2006). *The art of punctuation*. Oxford: Oxford University Press. 192 p. ISBN 0198614543.
- Peshkovsky, A. M. (2001). *Russian syntax in scientific coverage*. 8th ed. Moscow: Languages of Slavic Culture. 544 p. ISBN 5-94457-019-9. (In Russ.).
- Reiser, S. A. (1978). *Fundamentals of textology*. 2nd ed. Leningrad: Prosveshchenie. 176 p. (In Russ.).
- Shapiro, A. B. (1955). *Fundamentals of Russian punctuation*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 398 p. (In Russ.).
- Shubina, N. L. (2006). *Punctuation of the modern Russian language*. Moscow: Publishing Center “Academy”. 256 p. ISBN 5-7695-2881-8. (In Russ.).

- Uryson, E. V. (1990). Isolation as a means of semantic emphasis. *Questions of linguistics*, 4: 35—45. (In Russ.).
- Valgina, N. S. (2004). *Actual problems of modern Russian punctuation*. Moscow: Higher School. 259 p. ISBN 5-06-004937-X. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1970). About V. I. Chernyshev's works on the Russian language. In: Chernyshev, V. I. *Selected works in 2 volumes, 1*. Moscow: Enlightenment. Pp. 6—48. (In Russ.).
- Vinogradov, V. V. (1980). *About the language of fiction. Selected works*. Moscow: Nauka. 360 p. (In Russ.).
- Vinokur, G. O. (1941). Spelling and language of Pushkin in the academic edition of his works. (Reply to V. I. Chernyshev). In: *Pushkin. A temporary member of the Pushkin Commission, 6*. Moscow-Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. Pp. 462—494. (In Russ.).